

Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром¹

Formation of new identities in the post-Soviet space: between the real and the digital world²

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-3-3-15

УДК 321

Получено: 05.09.2021 Одобрено: 17.09.2021 Опубликовано: 25.09.2021

Федорченко С.Н.

канд. полит. наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета.

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Fedorchenko S.N.

Candidate of Political Science, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the faculty of History, Political Science and Law for Research, Moscow Region State University.

e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Аннотация

Целью статьи является выявление роли, специфики, трендов и условий цифровой и реальной социальной среды в формировании новых идентичностей на постсоветском пространстве. В настоящей работе механика идентификации тесно увязывается с фактором активности исторических, политических деятелей и деятелей культуры. *Методологической основой* стали принципы количественного контент-анализа, а также возможности системы Google Trends. В *выводах* обозначено, что с процессами цифровизации и развитием социальных сетей к прежним практикам идентификации добавляется восходящая модель, когда такие новые лидеры мнений как блогеры, влогеры, стримеры, администраторы и топовые участники сетевых сообществ сами создают месседж, по-своему начинают интерпретировать исторические факты и политические события, донося свое видение до интересующей их аудитории. Определен спектр рисков и угроз цифровизации для построения макрополитических идентичностей постсоветских стран. *Теоретическая значимость* работы определяется тем, что обнаруженный интерес среди русскоязычных исследователей к таким видам идентичности как социальная, этническая, культурная, национальная и гражданская вполне коррелирует с повышенным интересом к данным явлениям со стороны интернет-пользователей постсоветских стран. Обозначено, что гибкое сочетание традиционных и сетевых технологий формирования идентичностей заставляет говорить о них как приемах мягкой или даже умной силы.

Ключевые слова: идентичность, постсоветское пространство, цифровизация, цифровое пространство, идентификация.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43023.

² Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43023.

Abstract

The *purpose* of the article is to identify the role, specifics, trends and conditions of the digital and real social environment in the formation of new identities in the post-Soviet space. In this work, the mechanics of identification is closely linked with the factor of activity of historical, political and cultural figures. The *methodological basis* was the principles of quantitative content analysis, as well as the capabilities of the Google Trends system. The *conclusions* indicate that with the processes of digitalization and the development of social networks, a bottom-up model is added to the previous identification practices, when such new opinion leaders as bloggers, vloggers, streamers, administrators and top members of network communities themselves create a message, begin to interpret historical facts in their own way, and political events, conveying their vision to the audience they are interested in. The range of risks and threats of digitalization for building the macropolitical identities of the post-Soviet countries has been determined. The *theoretical significance* of the work is determined by the fact that the discovered interest among Russian-speaking researchers in such types of identity as social, ethnic, cultural, national and civic quite correlates with the increased interest in these phenomena on the part of Internet users of post-Soviet countries. It is indicated that a flexible combination of traditional and network technologies for the formation of identities makes us speak of them as techniques of soft or even smart power.

Keywords: identity, post-Soviet space, digitalization, digital space, identification.

Финансирование

«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43023» («Funding: The research was funded by RFBR, project number 21-09-43023»).

Введение

Распад Советского Союза способствовал серьезной переконфигурации не только экономик, геополитических процессов и международных отношений, но спровоцировал развитие новых национальных идентичностей на территории постсоветского пространства. Хотя, безусловно, некоторые предпосылки для формирования национальных идентичностей постсоветских государств возникли задолго до 1991 г.

Феномен идентичности многогранен и связан с разными аспектами социально-культурной и политической жизни в обществе. Не случайно исследователями отмечается существование политической, государственной, гражданской, национальной, этнической, социальной, религиозной, культурной, региональной, цивилизационной, сетевой идентичности. Категория идентичности обладает, по сути, междисциплинарным характером и потенциалом, применяясь в качестве базового научного термина в политологии, социологии, культурной антропологии, социальной философии, социальной психологии и других профессиональных областях исследовательской деятельности.

Само понятие идентичность происходит от средневековой формы латинского слова *identicus*, означающего совпадение, тождественность, одинаковость одного с другим. Несмотря на разнообразие перечисленных выше видов идентичности, у всех них есть схожие элементы: а) соотношение человека с какой-либо социальной группой, общностью; б) осознание отличительных признаков иной группы; в) процесс идентификации с конкретной общностью, группой в результате социализации. Начало серьезного изучения феномена идентичности можно связать, прежде всего, с работами Г. Тэшфела и Дж. Тернера [26].

Механика формирования идентичностей важна для образования, консолидации и воспроизводства тех или иных социальных групп. Никакая страна не сможет сохранить свою целостность, если основная масса ее жителей идентифицируют себя с иным государством, иной культурой и ментальностью. Структурные компоненты политической системы – институты государства, партий, парламента, главы государства могут слаженно работать только при наличии общей идентичности у их представителей – от чиновников до депутатов. Политический режим, как порядок функционирования политической системы, рискует

утратить легитимность в случае отторжения значительной частью населения его символической основы.

Проблема современных политических режимов заключается в том, что в условиях форсированной цифровизации прежних идентификационных технологий легитимации власти уже становится недостаточно. Раньше важной основной идентификации индивида в той или иной стране была архаичная мифология, героический эпос, религия, символические приемы сакрализации политической власти, воспроизводимые политической элитой техники языковой, культурной, просветительской, образовательной и воспитательной политики. Социальные институты семьи, школы, церкви и местного сообщества играли в формировании первичных инструментов идентификации человека довольно значимую роль.

Однако развитие городов, науки, урбанизация, распространение книгопечатания, грамотности, секуляризация, кризис сакральных форм легитимационных практик в монархиях, появление новых производительных сил, социальных групп, форм экономических отношений, государств с республиканской формой правления, изменение социально-демографических и миграционных процессов, распад прежних государств, колониальных империй заставило политические элиты во многих странах обращаться к новым технологиям идентификации. Не последнее место в этой политической турбулентности занимали коммуникационные технологии, зарождение информационного общества и становление цифровых медиа. Недаром И. Нойманн подчеркивал, что идентичность не является данностью.

Более того, глобализация, активность транснациональных корпораций, распространение социальных сетей, микроблогов, видеохостингов, форумов, имиджбордов Интернета не только актуализировало вопросы кризиса традиционного государственного суверенитета, прежних идентичностей на основе территориальности, этничности, религии, культуры, идеологии, но и обозначило вызовы и угрозы цифровых механик по пересборке и сборке новых идентичностей. К прежним факторам идентификации добавились цифровые – владельцы цифровых платформ, киберподразделения разных государств, иницирующие настоящие информационные войны, популярные блогеры и влогеры, политические хакеры, управляющие слактивистами и кликтивистами в условиях возникновения постправды, фейков и неконвенциональных форм гражданского участия. Ввиду такой совокупности факторов целью статьи будет выявление роли, специфики, трендов и условий цифровой и реальной социальной среды в формировании новых идентичностей на постсоветском пространстве.

Чрезвычайно важно понять, какое значение имеют цифровые коммуникации для формирования идентичностей нынешних постсоветских государств? Все ли прежние, доцифровые механики идентификационной сборки утратили свои функции в постсоветских обществах? Насколько реально рассуждать о проблеме соотношения цифровых и традиционных приемов идентификации? Или пока для этого не хватает эмпирической базы?

Краткая характеристика научной литературы

Советские исследователи для анализа идентичности больше обращались к национальности, связывая ее не с гражданским, а с этническим смыслом. Сейчас развиваются и дискурсивные подходы. Так, индуктивный дискурс-анализ обследует доминирующие дискурсы в стране, сочетая элементы контент-анализа, тогда как дискурсивно-исторический метод, использующий глубокий лингвистический анализ, активно применяется в современной политической науке (внедряется Венской школой). При этом дискурсивные методы критикуются за риски субъективной оценки [15].

В настоящее время опубликовано обширное количество работ, посвященных различным типам идентичностей [1, 3, 5, 11, 12, 16, 18, 20, 22], в том числе предпосылкам и последствиям эволюции постсоветских идентичностей. В.А. Ачкасов посвятил свою статью анализу политической роли национального языка в данных процессах [4]. По его мнению,

сохранение русского языка способно консолидировать постсоветский ареал неполитической формой, учитывая взаимные интересы сторон.

Л.А. Фадеева особо выделяет исследовательское направление, связанное с политикой идентичности. Она подчеркивает, что в российских и западных работах имеются серьезные отличия в этой сфере. Западные ученые больше привязывают проблематику идентичности к гендерным аспектам, вопросам ущемления прав меньшинств. Попытки выйти за границы гендерных исследований в этом плане пока достаточно редки [21].

Уже фактически сложилась целая исследовательская область, посвященная изучению особенностей национального сознания и его ключевой функции в идентификации. Так, Ч. Дуйшеналиев делает интересные наблюдения по поводу географической детерминации посредством языковой номинации, воздействующей на конструирование национального самосознания Кыргызстана [12]. Подчеркивается важность традиций космогонии, эстетических ценностей, опыта хозяйственной деятельности, «топонимического мышления», «квантования» природных объектов лингвистическими средствами. Такие работы будут особо ценны в глубоком понимании особенностей регионального компонента в процессе сборки постсоветских идентичностей.

Отдельное направление – это определение особенностей откровенно националистических практик в конструировании государства [7]. К примеру, в таких исследованиях детально разбирается складывание постсоветских идентичностей, основанных на активном этнонациональном дискурсе, подчеркивающего приоритет нации, национальных традиций, языка, культуры, истории. Одновременно в таких моделях идентификации распространение получают новые исторические и национальные мифы, в свою очередь, порождающие противоречия между постсоветскими странами и их жителями. Такой вектор не только препятствует интеграции постсоветского пространства на основе общей исторической памяти и прошлого, но и приводит к повышению конфликтности между разными социальными группами в рамках одного государства.

Политике памяти, исторической политике, взаимосвязи идентификационных трендов с историческим прошлым и нюансам построения макрополитической идентичности уделяет особое внимание другая группа авторов [6, 13, 14, 17]. Большой интерес представляют современные разработки в сфере техник негативной национально-государственной идентичности – практик самоидентификации и определения общества и государства с помощью отрицания принадлежности к иной стране и социуму. Например, подобного рода работу проделал И.З. Герштейн на примере изучения негативной идентичности Украины. Он пришел к выводу, что применение властями негативной идентичности носит весьма противоречивый характер, обладая рисками распада собственных общественных институтов [10]. Такой анализ основан на методологическом подходе К. Шмитта, выведившего «политическое» на основе бинарности «свой – чужой». И во многом шмиттовский подход обоснован, в том числе и в деконструкции такого компонента создания современных идентичностей как информационные войны. С другой стороны, Дж. Агамбен недавно показал, что К. Шмитт безосновательно отвергал игровую природу политических противоречий и агональный механизм конфликтов как маргинальные явления [2, с. 108, 120-126]. По Агамбену, институт государства со временем присвоил агонально-игровую функцию войны между негосударственными сообществами. Ритуальные столкновения на деле выполняли роль замещения и предотвращения полномасштабного конфликта. Иными словами, негативная идентичность может быть не только государственным инструментом, но и орудием других акторов и сообществ, не обязательно связанными с представителями государственных органов власти.

Ранние социологические подходы, кросстемпоральный анализ, лонгитюдный анализ сталкивались с так называемой «ситуационной идентичностью», когда респонденты говорили о своей идентификации в зависимости от контекста [15]. Но это никак не объясняло связь идентичности с эффектами цифровой среды. Возможно, по этой причине появился еще один кластер работ, который очень важен для понимания метаморфоз

идентичности в условиях цифровизации. Ряд авторов стали направлять свой исследовательский фокус на так называемые сетевые или виртуальные идентичности [8, 13]. Виртуализация идентичностей, по оценке специалистов, открывает безграничные возможности для ее постоянной трансгрессии, когда конструируются разного плана сетевые сообщества [20].

Методы

В качестве методологической оптики, во-первых, использовались принципы количественного контент-анализа. С целью выявления наиболее популярных проблематик в русскоязычных исследованиях идентичности была использована поисковая система e-library.ru, с помощью которой вводились поисковые слова («идентичность», «социальная идентичность», «национальная идентичность», «культурная идентичность», «этническая идентичность», «политическая идентичность», «гражданская идентичность», «региональная идентичность», «государственная идентичность», «религиозная идентичность», «коллективная идентичность», «советская идентичность», «цивилизационная идентичность», «виртуальная идентичность», «сетевая идентичность»).

Во-вторых, с целью выявления интересов жителей постсоветских стран к вопросам идентичности были задействованы возможности системы Google Trends. Здесь при анализе ситуации в России, Казахстане, Украине и Литве использовались не только термины, применявшиеся в e-library.ru, но и имена известных исторических личностей, деятелей культуры, политиков перечисленных стран (а также деятели советской эпохи). В итоге интерес постсоветских пользователей определялся по уровню поисковых запросов с 2004 г. по настоящее время. Эмпирическая часть исследования проводилась 3–5 сентября 2021 г.

Результаты

Таблица

Результаты количественного контент-анализа научных работ в e-library³

Ключевое слово	Значение (ед. научных работ)
идентичность	68 671
социальная идентичность	14 633
национальная идентичность	14 453
культурная идентичность	11 848
этническая идентичность	9403
политическая идентичность	6389
гражданская идентичность	6141
региональная идентичность	4106
государственная идентичность	3676
религиозная идентичность	3463
коллективная идентичность	2016
советская идентичность	1678
цивилизационная идентичность	1677
виртуальная идентичность	891
сетевая идентичность	586

При замере в системе электронной библиотеке e-library по поисковым запросам было обнаружено, что наиболее популярными темами в русскоязычной научной литературе являются аспекты, пересекающиеся с социальной, национальной, культурной, этнической, политической и гражданской идентичностью. Государственная, религиозная,

³ Посчитано с помощью поисковой системы e-library.ru.

цивилизационная, советская и сетевая идентичность интересуют ученых гораздо меньше (см. табл.).

Анализ посредством Google Trends позволил выявить, что наиболее часто набираемыми поисковыми запросами были идентичность, социальная идентичность, этническая идентичность, культурная идентичность, национальная идентичность, гражданская идентичность. Меньший интерес пользователей проявился к темам региональной и государственной идентичности. Эти результаты хорошо коррелируют с замерами в e-library.

Также были взяты имена советских политиков, деятелей, чтобы выявить степень интереса к ним со стороны пользователей четырех постсоветских государств. По России наибольшую популярность имеют запросы Ленин (27 баллов), Сталин (25), Брежнев (7). Поисковые запросы Хрущёв (1) и Горбачёв (1) не так интересны. По Украине следующие результаты: Сталин (19), Ленин (18), Брежнев (7), Хрущёв (1), Горбачёв (1). По Казахстану: Сталин (4), Ленин (2), Брежнев (1), по Литве: Ленин (3), Сталин (3), Брежнев (2).

Была выяснена и степень популярности некоторых деятелей культуры, исторических и политических деятелей, с именами которых связаны идентификационные процессы в постсоветских странах. Замер по России (рис. 1) вычленил по степени популярности следующих исторических персон: Пушкин (51), Достоевский (12), Иван Грозный (5), Александр Невский (4), Петр I (1).

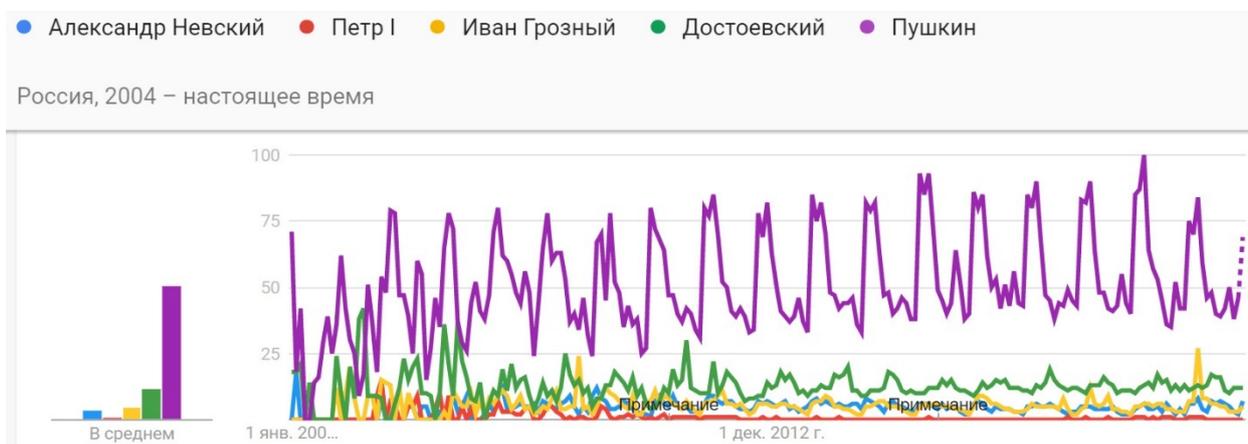


Рис. 1. Замер по России

Обследование по Украине (рис. 2) посредством Google Trends выявило следующие интересы по запросам: Тарас Шевченко (16), Иван Франко (2), Богдан Хмельницкий (2), Иван Мазепа (1), Данило Галицкий (1). Отдельный замер по Степану Бандере дал не так много запросов (3).

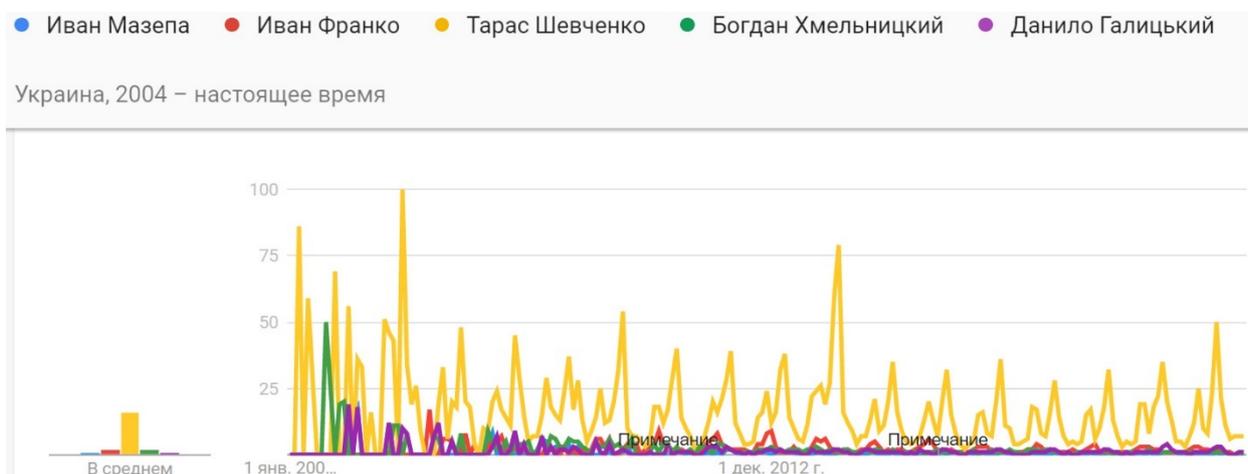


Рис. 2. Замер по Украине

Среди интернет-пользователей постсоветского Казахстана (рис. 3) интересы распределились таким образом: Абай Құнанбаев (13), хан Абылай (6), Шоқан Уәлиханов (3), хан Қасым (1). Дополнительный замер по Назарбаеву дал высокий уровень интереса (20).

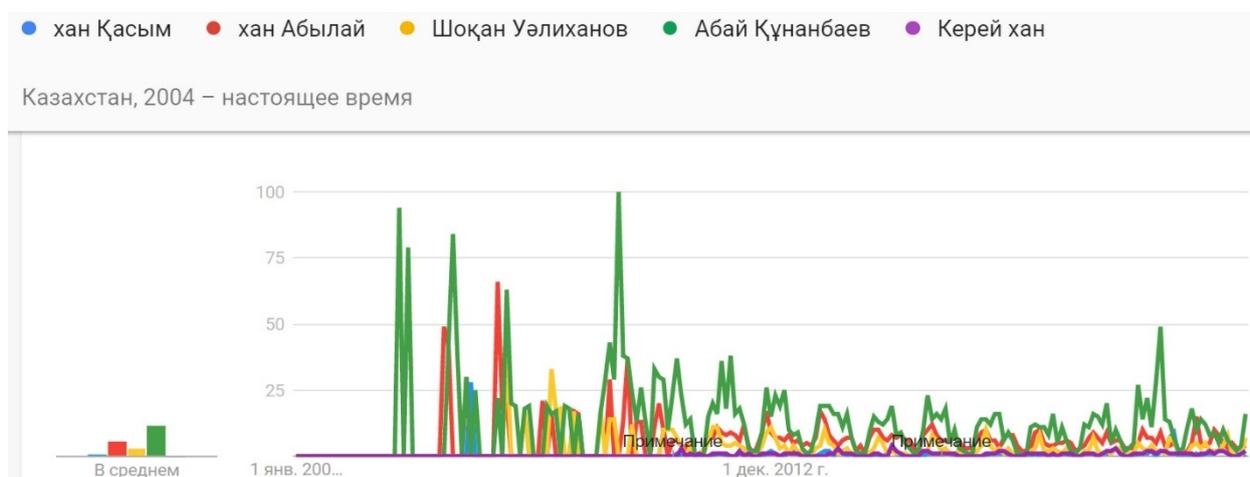


Рис. 3. Замер по Казахстану

В Литве (рис. 4) были выявлены следующие объекты интереса среди интернет-пользователей: Mindaugas (57), Gediminas (30), Antanas Baranauskas (3), Vytautas Didysis (2), Mikalojus Ciurlionis (1). Запрос по Jogaila дал 2 балла.

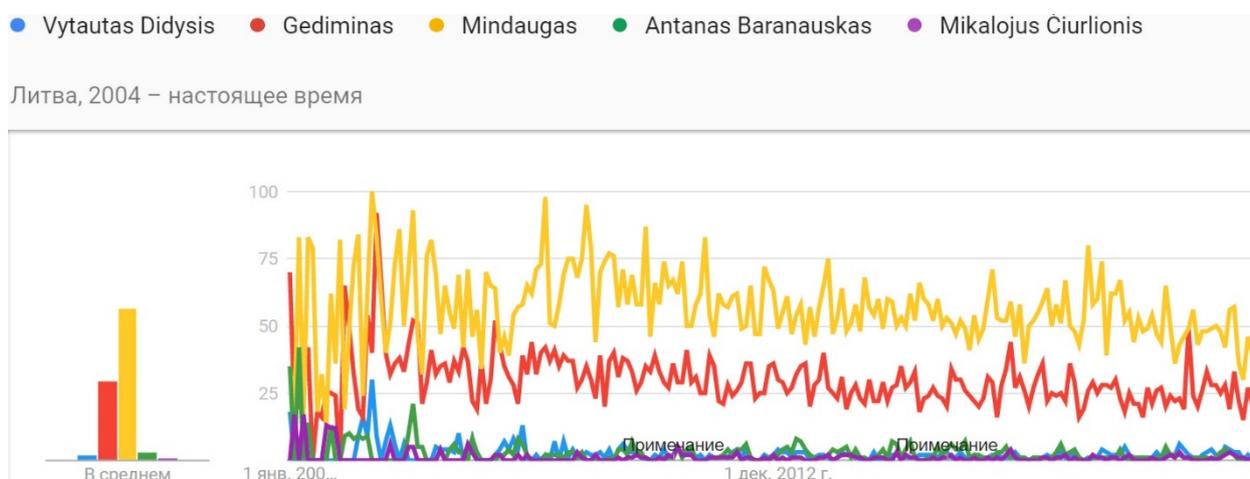


Рис. 4. Замер по Литве

Дискуссия и выводы

Обнаруженный интерес среди русскоязычных исследователей к таким видам идентичности, как социальная, этническая, культурная, национальная и гражданская вполне коррелирует с повышенным интересом к данным явлениям со стороны интернет-пользователей постсоветских стран. Это является хорошим свидетельством о том, что подобные темы действительно не надуманы и находят живое отражение в постсоветских обществах.

В настоящей работе механика идентификации тесно увязывается с фактором активности исторических, политических деятелей и деятелей культуры. Результаты по советским историческим и политическим деятелям показательны – спустя тридцать лет после разрушения советского государства вызывают интерес фигуры Ленина и Сталина. Безусловно, данные персоны прочно ассоциируются гражданами с историей и политикой Советского Союза. Примечательно, что интерес к персоне Горбачёва, без реформистской

деятельности которого сложно представить суверенизацию новых постсоветских государств, практически минимален. Однако система Google Trends, к сожалению, не дает возможность оценить отношение к этим личностям постсоветских интернет-пользователей. Это необходимо соотносить с результатами соответствующих социологических обследований.

Также данное исследование является, по сути, экспериментальным и пробным, так как при работе с Google Trends важно применять поисковые слова других языков, а при изучении степени популярности исторических личностей необходимо обращаться к их более полному списку, чем к тому ограниченному, который применялся в настоящей работе. В Казахстане такой персоной может стать, к примеру, Алихан Букейханов. Требуется учитывать и фактор неожиданного роста интереса к исторической личности. В качестве примера достаточно вспомнить медийный ажиотаж, связанный с Кенесары ханом.

Современная цифровизация во многом объяснима концепцией фиджитал-мира – появлением социотехнической реальности, где виртуальное уже сложно и практически невозможно отделить от реального. Но к этой проблеме можно подойти двояко. Государство, партии, политические лидеры, деятели культуры, науки стран постсоветского пространства во многом задают политическую повестку дня, формируя основной информационно-символический каркас для воспроизводимой и необходимой для удержания политической элитой власти макрополитической идентичности. Традиционная нисходящая модель каскадного типа подразумевала стимулирующий месседж от перечисленных акторов, доносимый через медийные корпорации (газеты, радио, телевидение) до разных и важных для элиты целевых аудиторий. В итоге между властью и обществом устанавливалась скрепляющая их относительно единая интерпретация исторических и политических событий.

С процессами цифровизации и развитием социальных сетей к прежним практикам идентификации добавляется восходящая модель, когда такие новые лидеры мнений как блогеры, влогеры, стримеры, администраторы и топовые участники сетевых сообществ сами создают месседж, по-своему начинают интерпретировать исторические факты и политические события, донося свое видение до интересующей их аудитории. На деле – это доказательство возникновения новых субъектов сборки идентичностей, а значит, и политических режимов [9]. При этом эти новые субъекты идентификации, как и традиционные (государство, политические лидеры, партии), также обращаются к дискуссии вокруг исторических, политических и других деятелей национального значения. Поэтому сегодня в условиях социотехнической реальности как никогда важна разработка этики дискуссии в цифровом мире, маркеров определения фейков и недостоверной информации, понятных любому гражданину в любой постсоветской стране. Если регулярно не обсуждать и не прорабатывать эти темы на самом высшем межгосударственном уровне постсоветского пространства, то оно скоро превратится в полигон конструирования националистических идентичностей на принципах негативного противопоставления со своим во многом виртуальным образом врага-соседа.

Жестко отделять реальный образ идентичности от цифрового образа данного феномена – заведомо проигрышный для современной власти путь. Намного корректней обсуждать вопросы сохранения архаичных, традиционных элементов прежних идентичностей в условиях цифровизации. Отрицание прежней советской идентичности привело постсоветские элиты к активному поиску среди своего исторического прошлого новых идентификационных матриц – от исторических личностей до знаковых событий. Эти поиски происходят с активным подключением постсоветских блогеров, влогеров, владельцев сайтов и других сетевых лидеров мнений.

Механика формирования постсоветских идентичностей довольно сложна и многокомпонентна. В нее входят элементы традиционной модели передачи и воспроизводства консолидирующих смыслов от политической элиты через провластные медиа к гражданам, а также сетевая модель передачи интерпретаций от блогеров, влогеров через кликтивистов и слактивистов к остальным гражданам. Теоретически новые сетевые субъекты могут оказывать информационное воздействие и на самих традиционных

политических субъектов – партии и их элиты. Кстати, с этой точки зрения интересна и современная адаптация теории политического участия Л. Милбрата [25], согласно которой высший уровень политического участия с наименьшим количеством участников (*digital gladiatorial activities*) связан через средний уровень активистов (*digital transitional activities*) с низовым и самым массовым уровнем кликтивистов и слактивистов (*digital spectator activities*), распространяющих интерпретации политики и истории от популярных блогеров. Гибкое сочетание традиционных и сетевых технологий формирования идентичностей заставляет говорить о них как приемах мягкой или даже умной силы [23, 24].

Вдобавок логично говорить о виртуализации идентификационных механик, к признакам которых [14] можно отнести зависимость индивида от гипертекстового формата коммуникации, влияние фактора «смыслового резонанса» (появление надындивидуального сознания, связанного с архитектурой глобальной сети и особенностями ее информационных каналов). Виртуализации постсоветских идентичностей способствуют несколько причин: декларируемая анонимность (хотя приемы психопрофилирования и т.п. позволяют пересмотреть этот параметр с критических позиций), довольно простое подключение (при наличии самой этой возможности), автоматизация самих политических процессов (онлайн пресс-конференции, электронное голосование и т.п.) [8].

И все же доцифровые практики идентификации пока полностью не утратили своего значения. Наоборот, они дополнились своими цифровыми образами и расширениями. В связи с этим можно выделить спектр рисков и угроз цифровизации для построения макрополитических идентичностей постсоветских стран:

- противоречие между реальными и цифровыми компонентами идентичности (при игнорировании проблем единой политики идентичности в этом плане может возникнуть раскол в отношении единого исторического поля между поколениями и другими социальными группами);

- конструирование ложных идентичностей на постсоветском пространстве, разжигающих межэтническую и межрелигиозную рознь (разработки в области искусственного интеллекта, нейронных сетей и машинного обучения доказывают возможность создания целой группы фейковых личностей, подмены фактов и т.п.);

- перехват политической повестки дня со стороны представителей радикальных и националистических сетевых сообществ (оттеснение правительственной повестки от информационных каналов формирования и воспроизводства макрополитической идентичности);

- возрастание роли региональной идентичности в ущерб макрополитической (переход к сценарию сепаратизма за счет разрастания сетевых сообществ, блогов, отвергающих единую для страны интерпретацию истории и политическую повестку дня);

- внешнеполитическая цифровая конкиста против постсоветских государств (получение контроля над ключевыми национальными медиа, цифровыми платформами зарубежными, транснациональными корпорациями с реформатированием политической повестки дня и оценки исторического процесса под свои интересы и задачи);

- постоянные информационные войны между постсоветскими государствами, усиливающие значение негативной идентичности.

Проведенное исследование показало, что кроме политических деятелей для интернет-пользователей постсоветских государств важное значение имеют личности деятелей культуры (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Т.Г. Шевченко, И.Я. Франко, А. Кунанбаев, А. Баранаскас). Конечно, в биографии практически каждого деятеля искусств, культуры и науки можно найти сюжеты политической жизни, однако эти персоны все же оставляют гораздо больше маневра для формирования идентичностей постсоветских стран не на основе жесткого противопоставления «своего» «чужому», а на фундаменте взаимного признания друг у друга неповторимого, разнообразного и специфического культурного колорита.

Говорить о некоей особой общей постсоветской идентичности некорректно. Скорее, можно вести речь о тесном наложении социальных, национальных, культурных, гражданских

идентичностей в той или иной постсоветской стране, говорить об общем советском прошлом. Однако рассуждать о выявлении общих важных тем, сюжетов, личностей из советской и имперской истории, способных задать импульс для конструктивного диалога между академическими, молодежными и другими сообществами постсоветских стран стратегически важно и необходимо с целью предотвращения информационных войн и другого плана конфликтов.

Литература

1. *Абдина А.К.* О национальной и государственной идентичности Беларуси и Казахстана //Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С. 163-173.
2. *Агамбен Дж.* Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2. Санкт-Петербург: Владимир Даль. Серия «Политическая теология». 192 с.
3. *Аскарлов М.М.о.* Переоценка истории, или Современный облик "национальной узбекской идентичности" в рассуждениях зарубежных исследователей //Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 37-51. – DOI 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-4.
4. *Ачкасов В.А.* Язык как инструмент "строительства нации": постсоветский контекст //Политическая наука. – 2011. – № 1. – С. 204-218.
5. *Балакина Ю.А.* Политико-информационный аспект формирования региональной идентичности Республики Казахстан // Век информации (сетевое издание). – 2018. – Т. 2. – №4(5). – С. 55-80.
6. *Белов С.И.* Политика памяти: прошлое как инструмент управления будущим. – Санкт-Петербург: Межрег. общ. орг. соц, 2021. – 281 с.
7. *Берендеев М.В., Уразбаев Е.Е.* Развитие националистических идентичностей в странах Балтии: латвийский аспект //Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – № 6. – С. 82-94.
8. *Бондаренко С.В.* Политическая идентичность в киберпространстве //Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 76-92.
9. *Володенков С.В., Сидорович А.В., Щербинин А.И.* и др. Новые субъекты и технологии государственной политики: актуальная практика и перспективы //Журнал политических исследований. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 65-91. – DOI 10.12737/2587-6295-2021-5-1-65-91.
10. *Герштейн И.З.* "Негативная" идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР и ЛНР) // Via in tempore. История. Политология. – 2020. – Т. 47. – № 3. – С. 630-639. – DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639.
11. *Гиздатов Г.Г.* Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана //Политическая лингвистика. – 2019. – № 1(73). – С. 127-133. – DOI 10.26170/pl19-01-15.
12. *Дуйшеналиев Ч.* Политическая география и проблемы национального самосознания, идентичности Кыргызстана //Евразийский союз ученых. – 2018. – № 2-2(47). – С. 9-11.
13. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности //Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 25-39. – DOI 10.17976/jpps/2016.03.04.
14. *Ефимищ Н.М.* Прошлое в конструировании национальной идентичности: гранд-нарративы Украины //Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 2. – С. 77-90.
15. *Жирун И.В.* Изменение, сдвиг или трансформация: анализ методологических подходов к исследованию национальной идентичности //Вестник Пермского университета. Политология. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 68-77. – DOI 10.17072/2218-1067-2019-3-68-77.
16. *Забирова А.Т.* Формирование, легитимация и воспроизводство идентичности в постсоветском Казахстане //Социологические исследования. – 2003. – № 12(236). – С. 118-125.

17. *Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* – 2010. – Т. 6. – № 1. – С. 5-28.
18. *Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И.* Роль конструктивистской трактовки формирования гражданской идентичности и патриотизма в современной символической политике // *Журнал политических исследований.* – 2018. – Т.2. – №2. – С. 117-131.
19. *Немчина В.И.* Сетевая виртуальная идентичность: формат идентичности или сетевая реальность // *Социально-гуманитарные знания.* – 2016. – № 12-2. – С. 148-155.
20. *Романова А.П., Черничкин Д.А.* Проблемы виртуальной религиозной идентичности // *Политическая наука.* – 2020. – № 4. – С. 59-73. – DOI 10.31249/poln/2020.04.03.
21. *Фадеева Л.А.* Идентичность как категория политической науки: Исследовательское поле и когнитивный потенциал // *Политическая наука.* – 2016. – № 2. – С. 164-180.
22. *Ямалова Э.Н.* Формирование национальной идентичности в странах Балтии // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – 2015. – № 3-1(53). – С. 210-214.
23. *Atkinson C.* Military soft power in the 21st century: military exchanges and partner development // *Augmenting our influence: alliance revitalization and partner development.* Ed. by J.R. Deny. Carlisle: United States Army War College Press. 2014. P. 56.
24. *Callahan W.A.* Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream // *Politics.* - 2015. - Vol. 35. - Issu. 3-4. - P. 216-229.
25. *George J.J., Leidner D.E.* From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism // *Information and Organization.* - 2019. - Vol. 29. - №3. - P. 100249. - DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.
26. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations.* S. Worchel, W.G. Austin (Eds.). - Chicago: Nelson Hall. 1986. - P. 7-24.

References

1. Abdina A.K. O natsional'noy i gosudarstvennoy identichnosti Belarusi i Kazakhstana [On the national and state identity of Belarus and Kazakhstan]. *Sotsiologicheskiiy al'manakh* [Sociological Almanac], 2012, I. 3, p. 163-173. (In Russian).
2. Agamben J. *Stasis. Grazhdanskaya vojna kak politicheskaya paradigma. Homo sacer, II, 2* [Stasis. Civil war as a political paradigm. Homo sacer, II, 2]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., Series "Political Theology", 192 p. (In Russian).
3. Askarov M.M.o. Pereotsenka istorii, ili Sovremennyy oblik "natsional'noy uzbekskoy identichnosti" v rassuzhdeniyakh zarubezhnykh issledovateley [Reassessment of history, or the modern appearance of "national Uzbek identity" in the reasoning of foreign researchers]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Scientific result. Social and Humanitarian Research], 2020, V, 6, I. 3, pp. 37-51, DOI 10.18413/2408-932X-2020-6-3-0-4. (In Russian).
4. Achkasov V.A. Yazyk kak instrument "stroitel'stva natsii": postsovetskiy kontekst [Language as a tool for "building a nation": the post-Soviet context]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2011, I. 1, pp. 204-218. (In Russian).
5. Balakina Yu.A. Politiko-informatsionnyy aspekt formirovaniya regional'noy identichnosti Respubliki Kazakhstan [Political and informational aspect of the formation of regional identity of the Republic of Kazakhstan]. *Vek informatsii (setevoe izdanie)* [Information age (online edition)], 2018, V. 2, I. 4 (5), pp. 55-80. (In Russian).
6. Belov S.I. *Politika pamyati: proshloe kak instrument upravleniya budushchim* [Memory politics: the past as a tool for managing the future]. SPb., Mezhhreg. obshch. org. sots. Publ., 2021, 281 p. (In Russian).
7. Berendeev M.V., Urazbaev E.E. Razvitie natsionalisticheskikh identichnostey v stranakh Baltii: latviyskiy aspekt [The development of nationalist identities in the Baltic countries: the Latvian aspect]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant], 2014, I. 6, pp. 82-94. (In Russian).

8. Bondarenko S.V. Politicheskaya identichnost' v kiberprostranstve Political Identity in Cyberspace *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2005, I. 3, pp. 76-92. (In Russian).
9. Volodenkov S.V., Sidorovich A.V., Shcherbinin A.I. i dr. Novye sub"ekty i tekhnologii gosudarstvennoy politiki: aktual'naya praktika i perspektivy [New subjects and technologies of state policy: current practice and prospects]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2021, V. 5, I. 1, pp. 65-91, DOI 10.12737/2587-6295-2021-5-1-65-91. (In Russian).
10. Gershteyn I.Z. "Negativnaya" identichnost' kak faktor sovremennogo gosudarstvoobrazovaniya (na primere Belarusi, Ukrainy, DNR i LNR) ["Negative" identity as a factor of modern state formation (on the example of Belarus, Ukraine, DPR and LPR)], *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political science], 2020, V. 47, I. 3, pp. 630-639, DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-3-630-639. (In Russian).
11. Gizdatov G.G. Diskurs identichnosti v mediynom prostranstve sovremennogo Kazakhstana [Discourse of identity in the media space of modern Kazakhstan]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2019, I. 1(73), pp. 127-133, DOI 10.26170/pl19-01-15. (In Russian).
12. Duyshenaliev Ch. Politicheskaya geografiya i problemy natsional'nogo samosoznaniya, identichnosti Kyrgyzstana [Political geography and problems of national self-awareness, identity of Kyrgyzstan], *Evraziyskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2018, I. 2-2(47), pp. 9-11.
13. Evgen'eva T.V., Selezneva A.V. Sovetskoe proshloe v tsennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossiyskoy identichnosti [The Soviet past in the value and figurative-symbolic space of Russian identity], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, I. 3, pp. 25-39, DOI 10.17976/jpps/2016.03.04. (In Russian).
14. Efimishch N.M. Proshloe v konstruirovaniy natsional'noy identichnosti: grand-narrativy Ukrainy [The past in the construction of national identity: the grand narratives of Ukraine], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science], 2018, I. 2, pp. 77-90. (In Russian).
15. Zhirun I.V. Izmenenie, sdvig ili transformatsiya: analiz metodologicheskikh podkhodov k issledovaniyu natsional'noy identichnosti [Change, shift or transformation: analysis of methodological approaches to the study of national identity], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science], 2019, V. 13, I. 3, pp. 68-77, DOI 10.17072/2218-1067-2019-3-68-77. (In Russian).
16. Zabiroya A.T. Formirovanie, legitimatsiya i vosproizvodstvo identichnosti v postsovetskom Kazakhstane [Formation, legitimation and reproduction of identity in post-Soviet Kazakhstan], *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2003, I. 12(236), pp. 118-125. (In Russian).
17. Malinova O.Yu. Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoj Rossii: simvolicheskaya politika v transformiruyushchey publichnoy sfere [Construction of Macropolitical Identity in Post-Soviet Russia: Symbolic Politics in the Transforming Public Sphere], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 2010, V. 6, I. 1, pp. 5-28. (In Russian).
18. Martynov M.Yu., Gaberkorn A.I. Rol' konstruktivistskoy traktovki formirovaniya grazhdanskoj identichnosti i patriotizma v sovremennoy simvolicheskoy politike [The role of the constructivist interpretation of the formation of civic identity and patriotism in modern symbolic politics], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2018, V. 2, I. 2, pp. 117-131. (In Russian).
19. Nemchina V.I. Setevaya virtual'naya identichnost': format identichnosti ili setevaya real'nost' [Network virtual identity: identity format or network reality], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Sotsial'no-gumanitarnye znaniya], 2016, I. 12-2, pp. 148-155. (In Russian).
20. Romanova A.P., Chernichkin D.A. Problemy virtual'noy religioznoy identichnosti [Problems of virtual religious identity], *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2020, I. 4, pp. 59-73, DOI 10.31249/poln/2020.04.03. (In Russian).
21. Fadeeva L.A. Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki: Issledovatel'skoe pole i kognitivnyy potentsial [Identity as a Category of Political Science: Research Field and Cognitive Potential], *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2016, I. 2, pp. 164-180. (In Russian).

22. Yamalova E.N. Formirovanie natsional'noy identichnosti v stranakh Baltii [Formation of national identity in the Baltic countries], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2015, I. 3-1(53). pp. 210-214. (In Russian).
23. Atkinson C. Military soft power in the 21st century: military exchanges and partner development, *Augmenting our influence: alliance revitalization and partner development*, Ed. by J.R. Deny. Carlisl, United States Army War College Press Publ., 2014, p. 55-57.
24. Callahan W.A. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream, *Politics*, 2015, V. 35, I. 3-4, pp. 216-229.
25. George J.J., Leidner D.E. From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism, *Information and Organization*, 2019, V. 29, I. 3. pp. 100249, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.
26. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior, *Psychology of intergroup relations*. Ed. by S. Worchel, W.G. Austin, Chicago, Nelson Hall Publ., 1986, pp. 8-23.